

Валентин Оноприенко
Киев

Апории биографического письма и научная биография

Я увлёкся биографиями учёных поздно, после защиты докторской диссертации по философии науки, работая в то время (начало 1980-х годов) в Секторе естествознания и техники Института истории АН УССР. Видимо, всё-таки была какая-то потребность соединить, совместить (или противопоставить) философские абстракции с конкретным материалом по истории науки. А, скорее всего, давали о себе знать мои внутренние литературные потребности. Начальный процесс этого увлечения проходил у меня бурно, с энтузиазмом. Увлекла работа в архивах, киевских и ленинградских, которая прочно вошла в мою жизнь на многие годы. В частности, она серьёзно подвинула меня к увязшей тогда в идеологических штампах истории украинской науки, истории возникновения и становления Украинской академии наук. Это произошло позже, при работе над биографией П.А.Тутковского, одного из основателей Украинской академии наук.

Меня привлекала также перспектива после масштабного архивного поиска опубликовать полноценную книгу в московском издательстве «Наука» на самом высоком научном уровне. Уже около 20 лет в АН СССР при Институте истории естествознания и техники работала редколлегия общеакадемической серии «Научно-биографическая литература», которая на достаточно демократической основе проводила экспертизу и отбор на подготовку биографий учёных, как отечественных (в широком смысле слова), так и зарубежных. Указанная серия сыграла выдающуюся роль в расширении сообщества историков науки, среди которых, естественно, было немного тех, кто занимался исследованиями профессионально. Вот с ней я и связал надолго свою судьбу.

В качестве героя первой биографической книги я избрал, пожалуй, самого известного в мире (даже больше, чем патриарх российской геологии академик А.П.Карпинский) геолога, академика Петербургской академии наук Феодосия Николаевича Чернышева. Кроме общей симпатии к его личности меня привлекло то, что он был киевлянином, закончил знаменитую Первую киевскую гимназию, которую я так любил по знаменитым книгам М.Булга-

кова и К.Паустовского. Немаловажным для меня было то обстоятельство, что Ф.Н.Чернышев умер рано, 57 лет, накануне первой мировой войны, и последовавшие войны и революция стёрли в какой-то мере память о масштабе его личности. Было и еще одно обстоятельство, которое в какой-то мере нейтрализовало мои комплексы перед новым типом работы: руководитель отдела истории техники, в котором я работал, Юрий Александрович Анисимов, замечательный историк естествознания и техники, фронтовик, инвалид войны первой степени, честнейший и скромнейший человек, пользовавшийся большим авторитетом в институте, занимался когда-то Ф.Н.Чернышевым и написал о нём небольшую брошюру. Поэтому заявку о книге я подал от него и себя, правда, ему об этом не сказал.

Начал я с того, что можно было найти в Киеве, и вся моя семья, в особенности отец, пристрастный киевлянин, долго рассматривали и читали три тома истории Первой киевской гимназии, которые я нашел в библиотеке Института истории. Небольшие находки в архивах Киева меня тем не менее радовали, ведь я получил уже счастье поиска. Но настоящее счастье поиска я испытал в Ленинграде в архивах и прекрасных библиотеках: Государственной публичной, Академии наук и Геологического комитета, где работал до изнеможения. Мой питерский друг показал мне на Смоленском кладбище так называемые Горные мостки, где захоронена профессура Горного института, и мы отыскиали могилу Ф.Н.Чернышева. Я разыскал внучку Чернышева, коренную питерскую интеллигентку, правда, о деде я ей больше рассказал, чем она мне. Но зато я получил от нее ценный подарок – блок семейных фотографий.

Книга вышла в 1984 г., достаточно большого объема – 18 листов. Тогда «Наука» издавала книги этой серии большими тиражами, стоили они дешево. Книгу я принёс Ю.А.Анисимову незадолго до его смерти. Он был шокирован и даже напуган, но книга получилась настолько содержательной, что мне удалось его убедить, что написание книги не обошлось без его участия.

Моя работа в рамках серии РАН «Научно-биографическая литература» продолжается до сих пор, несмотря на все перипетии кризиса в науке и отношений Украины и России. В этой серии опубликовано 14 моих книг: «Феодосий Николаевич Чернышев» (1984, с Ю.А.Анисимовым), «Павел Аполлонович Тутковский» (1987), «Николай Иванович Андрусов» (первое изд., 1990), «Геннадий Данилович Романовский» (1995), «Флоренские» (2001), «Борис Борисович Голицын» (2002), «Владимир Иванович Лучицкий», «Александр Сергеевич Поваренных» (2004, с М.В.Оноприенко), «Кирилл Владимирович Симаков» (2006), «Чирвинские» (2008, с М.В.Оноприенко), «Юрий Александрович Билибин» (2009), «Гавриил Иванович Горецкий» (2012, с Р.Г.Горецким), «Николай Иванович Андрусов» (второе, доп. и перераб. изд., 2013), «Яков Владимирович Самойлов» (2015). К ним примыкает изданная вне серии, но с соблюдением всех норм серии книга «Век Яншина» (2011). Выходили мои биографические книги также в издательствах «Мысль», «Недра», «Наукова думка».

О том, насколько я оказался приверженным этой серии, говорит тот факт, что в последние годы серия перестала финансироваться в издательстве «Наука», книги начали издаваться или на спонсорские деньги, или в других издательствах вне серии. Последние четыре книги я издал после рекомендации редколлегией серии в Киеве за свой счёт в полном соответствии оформлению в серии, и рецензии о них опубликованы в ведущих журналах Украины, России и Беларуси.

Работа в серии и в издательстве «Наука» дали мне очень многое. В серии под руководством бессменного в течение 40 лет председателя редколлегии академика А.Л.Яншина, страстного книголюбца и библиофила, была разработана определённая методология разработки научных биографий учёных. В серии «Научно-биографическая литература» было издано свыше 600 книг, это выдающийся вклад не только в историю науки, но и в историю культуры. Главный двигатель серии, её учёный секретарь З.К.Соколовская, видный историк науки, вела неустанную работу с авторами книг, издала несколько справочников по серии¹, которые рассматриваются как выдающийся вклад в книговедение.

Тем не менее как всякого исследователя, находящегося в постоянном поиске, меня продолжают волновать проблемы методологии биографического жанра и сама возможность осуществления научной биографии.

Несмотря на кажущуюся простоту и многовековую традицию, биография, в её литературной и научной форме, – жанр, который по самой своей сути содержит в себе противоречия. Этому посвящена литература из разных отраслей науки. Такие противоречия называют апориями. Апория – это вымышленная, логически верная ситуация (высказывание, утверждение, суждение или вывод), которая не может существовать в реальности. Такое суждение фиксирует несоответствие эмпирического факта и описывающей его теории.

Апории создают внутреннее напряжение в биографии как культурной форме. Б.В.Дубин² ярко показал, что биография есть акт письма, особый тип культурной записи социальных значений, и это позволяет реконструировать, на какие представления о человеке, действии, его смысле биография опирается (в том числе – опирается молчаливо), как она авторизуется, кто «аккредитует» биографию как самосознание (самоорганизацию) и биографию

---

¹ Соколовская З.К. 200 научных биографий: Библиографический справочник. М., 1975. 192 с.; *Ее же*. 300 научных биографий: Библиографический справочник. М., 1982; *Ее же*. 400 научных биографий: Библиографический справочник. М., 1988. 510 с.; Соколовская З.К., Соколовский В.И. 550 книг об ученых, инженерах и изобретателях. Справочник-путеводитель по серии РАН «Научно-биографическая литература». 1959-1997. М., 1999. 538 с.

² Дубин Б.В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 5. С.7-31; *Его же*. Обращенный взгляд // Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 100-119.

как повествование (репрезентацию), какова коммуникативная (ролевая) структура этого акта, структура свёрнутых в нем отсылок и адресаций и какова, соответственно, программа, стратегия её понимания, чтения.

Биография, с одной стороны, представляет собой схему упорядочения собственного опыта как компонента системы ориентации действующего индивида (автобиография), с другой стороны – это гипотетическое воспроизведение этой схемы самопонимания и самопредъявления индивида уже другим действующим лицом в ситуации и акте биографирования.

Б.В.Дубин связывает биографию как культурную форму со становлением и эволюцией идеи личностной автономии в истории культуры, с завершением европейских революций XVII-XVIII вв., с распадом и пересмотром нормативно-классического канона в культуре, мышлении, искусстве, называет ее «индивидуальной телеологией» секулярной и постсословной эпохи: «Непредзаданность, нерешенность, проблематичность жизненного пути отдельного человека, уже не предопределенного происхождением и статусом родителей (рода, семьи), соответствует здесь принципиальной открытости форм, в которых осознаются и представляются индивидуальное призвание, самореализация личности, ее успех или крах. И если в макро-социальном плане биография как форма самопонимания и самопредъявления связана с временем ускоряющейся мобильности, массовых движений, тектонического перемещения целых пластов прежнего общества, то в полноте культурной семантики, в упорядоченной рефлексии, как ресурс понимания и интерпретации она рождается с «критической» эпохой, с эрой «модерности» («современности»). Важно отметить, что крупномасштабные структурные сдвиги, модернизация европейских обществ делают биографию не просто личной проблемой и возможностью, но и общественной необходимостью, проблемой культуры. В этом смысле биография как регулятивная модель индивидуального свершения не только ставит под вопрос традиционные, родовые формы предписанного жизненного пути, но и наново, в нормативном порядке, закрепляет пересмотренные границы идентичности в качестве высокозначимого и общедоступного образца для социальных новичков и – теперь уже – любого человека. Энергетика социального сдвига и поиска адаптируется к структурным императивам более устойчивых или вновь складывающихся систем взаимодействия, репродуктивных структур, к институциональным требованиям, запросам первичных групп. Она, можно сказать, «укрощается», осмысливаясь, прорабатывая, воплощаясь в значимой форме, соединяющей новые ценности и значения с авторитетными, наново переоцененными элементами статусной структуры старорежимного общества и аристократических или сакральных традиций. Поэтому биография – жанр все же «реставраторского» периода, следующего за собственно переломом. Это период постепенной рутинизации «революционного» импульса, нормализации существования, когда закрепляются победы, подводится баланс достижений и утрат, устанавливаются обновлен-

ные рамки коллективного существования, складываются образы жизни новых групп и т.п.»³.

В то время подобная нормативная стабилизация, обретение публичной солидности, культурная фиксация нового «удостоверения личности» в виде биографии как идеи и как формы было вполне правомерно и плодотворно. Историю и типологию биографии можно представить как историю и типологию форм самоконституирования личности, умножения типов «я», развитие чисто нормативных, узкогрупповых перспектив понимания индивидуальности. Типы биографии дифференцируются и функционально ограничиваются. Одновременно ограничивается и общая роль биографической репрезентации в обществе, модельное значение или претензии биографического принципа в культуре.

По мнению Б.В.Дубина, драматическая ломка индивидуалистических представлений о личности на протяжении XX в. приводит к формализации социальных, «внешних» аспектов биографии. В частности, она принимает вид типовой схемы социализационного процесса как такового и фиксируется в форме анкетного листа, послужного списка, истории болезни и т.п. Версии жизненного пути и сами принципы их построения умножаются по мере дифференциации институтов и групп общества, относительно которых определяется и определяет себя сам индивид: «Целостный образ личности в форме биографии, с одной стороны, все более приобретает сугубо ценностный, условный смысл принципа саморегуляции в индивидуальных рамках. С другой – он выделяется в целое семейство массовых, серийных риторических жанров типа назидательной «ЖЗЛ», приключенческой *biographie romanesque* либо скандального портрета очередной «звезды» светской хроники и/или «кумира» политической сцены. Документальность подобного жанра по большей части фиктивна, претензии на окончательность версий безосновательны, и каждая из них тем риторичней, чем настойчивее эту свою фиктивность скрывает. Аксиоматика же биографии как формы исследования в гуманитарии (и прежде всего – в исторической науке) приходит в ценностное столкновение с внутринаучными принципами и критериями познавательной рациональности, что, как и сама идея «истории», порождает в исследовательском сообществе неразрешимые идеологические конфликты и герменевтические коллизии... И в литературе, и в науке биографический жанр в целом все больше отходит в репродуктивные подсистемы, выполняя функции популяризации, перевода ценностей науки или художественной культуры на языки других групп и субкультур, служа для исследователя рабочей формой предварительной организации материала»⁴. Здесь точно подмечена весьма характерная «вторичность» биографического жанра: как правило, биографами не становятся оригинальные,

³ Дубин Б.В. Обращенный взгляд. С. 101-102.

⁴ Там же. С. 103.

самостоятельные исследователи, самоутверждение которых происходит совсем иными способами.

Биограф, часто даже неосознанно, проводит селекцию и интерпретацию эмпирических фактов и возводит их до нормы понимания реальности, которая «должна» иметь историю, обладать «биографией». Без этих вменяемых ей атрибутов реальность для данного субъекта непонятна и неинтерпретируема. Как правило, работать со сложными символическими или культурными системами, биографический историк не умеет и не хочет. Чаще всего он ограничивается более простыми, рутинными, нормативными либо традиционалистскими компонентами реконструируемого действия и фактически вытесняет при этом иную, небιοграфируемую реальность, помимо индивидуальной воли, самой логикой своего ролевого поведения, применяемым набором инструментов и процедур отказывая ей в существовании. Например, он устраняет из поля внимания те разнообразные социальные структуры, которые помещают себя вне официальных рамок общества (разного рода неформальные кружки или группы), вне общепризнанных границ письменной культуры (сферы нефиксируемых устных коммуникаций, неподцензурную «вторую» культуру и т.д.). По мнению Б.В.Дубина, работы с такого рода «отсутствующими реальностями», «отрицательными величинами», «черными дырами», «отказными действиями» в культуре и обществе в биографиях по-прежнему нет. Нет даже разговора о самой проблеме, об альтернативных по отношению к принятой норме подходах, ином, неидеологизированном инструментарии.

На мой взгляд, определенным противоядием в отношении такой тенденции в биографистике следует рассматривать идеи о биографическом мире И.И.Колесник. Она объединяет в концепте «биографический мир» понятия внутреннего и внешнего миров героя биографии. Биографический мир – это культурное пространство, в котором личность перемещается между профессиональной и бытовой, личной и публичной сферами, меняя роли, статус, собственные интересы и виды деятельности. Это коммуникационная модель, содержащая внутренний и внешний миры личности, результат коммуникаций человека с его окружением. Биографический мир – это культурный мир человека и связанных с ним групп, личностей, сообществ и общества в целом.

Перспективы биографических исследований связывают с ресурсами нарративной психологии, согласно которой жизнь человека конструируется самим же человеком, заурядным, обычным, или известным, публичным, выдающимся. Нарратив – это взгляд на жизнь человека как на рассказ. Жизнь человека не столько им проживается, сколько им же самим рассказывается, описывается, украшается, драматизируется, умалчивается, или, наоборот, акцентируются некоторые факты, события, эпизоды, объединяемые в единую линию повествования, тогда как другие не упоминаются, отбрасываются, игнорируются, извращаются, фальсифицируются. Жизнь человека становится такой, какой её представляет субъект или объект повествования.

Упорядочить историю жизни означает свести вместе ряд жизненных эпизодов и различных сообщений в виде определенной нарративной структуры, которая имеет начало, середину и конец. Дизайн подобной повествования создает рассказчик, автор собственного жизнеописания или исследователь такого жизнеописания. Именно рассказчик объединяет все события жизни в определенную целостность и объясняет их. Речь идет о том, что человек или исследователь жизни выдающейся личности конструируют каждый по-своему жизненные истории, свое или другая жизнь, с помощью нарратива / повествования. Такой рассказ содержит несколько шагов или нарративных процедур: 1) отбор событий, эпизодов жизни; 2) установление связи между ними; 3) характеристика коммуникаций, межличностного окружения вокруг основного персонажа. Ведь именно нарратив образует связь между человеком и его окружением, социокультурным контекстом эпохи, в рамках которой человек и проживает свою жизнь. Жизненные истории не возникают из одного человека, они формируются и конструируются из эпизодов жизни конкретного человека и его окружения, системы коммуникаций с другими людьми через всю его жизнь⁵.

В нарративной психологии бытуют понятия «личностный» и «профессиональный» нарратив. Первый – это специфическая разновидность истории жизни. Такой нарратив создает каждый человек, для того, чтобы объединить свою жизнь в некую целостность, придать ей определенную направленность, смысл и цель. В личностном нарративе есть начало, середина, итог. События личной жизни каждый из нас выстраивает сознательно или имплицитно по определенным сюжетам – со своими героями, поступками, мечтами, конфликтами, поражениями и победами. Считается, что личностный нарратив – это акт воображения, смысл его заключается в интеграции наших воспоминаний из прошлого, оценок текущего и планов на будущее в соответствии с определенной жизненной моделью или сценарием. Иначе говоря, мы сами создаём себя через собственную рассказ, личностный нарратив.

Профессиональный нарратив – это нарратив второй степени. Речь идет о нарративе автора (первой степени) и нарративе исследователя этого автора. Профессиональный нарратив обеспечивает понимание и зависит от теоретической ориентации исследователя. Исследователь переосмысливает, переоценивает факты жизни своего героя, его культурные миры в прошлом и нынешнем времени. Профессиональный нарратив зависит от теоретической и идеологической ориентации составителя, цель которой создать собственную версию жизнеописания своего героя. Конечным продуктом переплетения личностного и профессионального нарративов, их диалога появляются стратегии биографического исследования, они трансформируют историю жизни личности. возникает воображаемая карта личности, которая

---

⁵ Колесник І.І. Біографічний світ Тараса Шевченка в історіографії // Укр. істор. журн. К., 2014. №3. С. 79-99.

схематизирует течение жизни человека и его окружения во времени и пространстве, что и обеспечивает воспроизведение целостности образа, реконструкцию биографического мира личности. Карта личности определяет основные пункты исследования (события, люди, артефакты, стрессы, сценарий будущего и т.д.) и направляет движение исследователя по этим пунктам к цели реконструкции.

Биография часто трактуется нормативно, в рамках заданной карьеры того или иного типа в границах соответствующих институтов: семьи того или иного статуса, средней и высшей школы, разнообразных профессиональных коллективов, союзов и обществ. Именно они образует «вехи» официальной биографии. Жизнь каждого человека предстает здесь в виде послужного списка, разделы которого «озаглавлены» соответствующими институтами с указанием их статуса, выражений институционального, государственного либо общественного одобрения, признания в виде премий, наград, списков публикаций, трудов. По сути это анкетная «автобиография», учетный листок регулирующего людские потоки отдела кадров, документ, удостоверяющий личность как место в социальной структуре, дающий право на известные блага или привилегии. Не обладают подобной биографией только лица, исключенные из социума, не удовлетворяющие положенным в нем условиям. В связи с этим ставится чуть ли не как центральная задача подтверждения документами такого рода анкеты. Индивид предстает в виде растущей и упорядочиваемой коллекции официальных справок, свидетельств и других документов. Если документов не хватает (а это совсем не редкий случай), биограф заполняет образовавшиеся лакуны на свой риск собственными интерпретациями.

Одна важнейших функций биографии – создание эмблематического образа индивидуальной целостности героя: «Источник здесь, понятно, не раз переосмысленный и переозначенный впоследствии, – высокая традиция, сакральная и рыцарская. Отсюда – подчеркнуто важная функция и сверхнагруженная семантика цельности как неотъемлемого атрибута героя и в структуре биографического образца, и в постпросвещенческой европейской культуре в целом, вплоть до т.н. «массовой культуры» с ее клише «идола» и «звезды». Герой тут выделен, обособлен, подчеркнут («отлит», «отчеканен», используются и другие синонимы скульптурности). Образ ценности переозначивается, становясь нормой реальности – «портретным», наглядным, нормативно-визуальным компонентом двуслойной модели»⁶.

Весьма существенной является апория между образом и письмом, которая вносит существенные коррективы в биографическую модель самосознания и самопредъявления. Она также связана со способом фиксации конфликта между целостностью смысла и последовательностью приближения к нему, его изложения, и обусловлена специфической культурной транскрипцией жизненного пути героя биографии. В принципе это конфликт

---

⁶ Дубин Б.В. Обращенный взгляд. С. 107.

между смыслом и его постижением, образцом и рассказом о нем, персонажем и повествователем: «В нем особыми, культурными, символическими средствами воспроизводится – разыгрывается и условно преодолевается – не только разрыв между социальными статусами героя и рассказчика (то есть персонифицированного явления предельной ценности и анонимного в данном случае представителя коллективной нормы; речь идет, понятно, о Новом времени, эпохе десаκραлизации и общедоступности письма, по крайней мере – в идеологии). Здесь в универсализированной форме письма каждый раз, в каждом его акте воссоздается травматика цивилизационного перехода от эпохи героического действия в настоящем к эпохе дистанцированного рассказа о прошлом, конфликт между обобщенными ролями действующего и знающего – царя, героя, рыцаря и жреца, певца, писателя. Однако этот конфликт так встроен в структуру действия (микромодель письменной культуры), что перепад уровней между героем, повествователем и читателем – напряжения и конфликты референции – является движущей силой акта письма»⁷.

Эти и другие апории биографии и биографического метода способствуют мифологизации биографий. Биограф в затруднительных случаях всегда готов подставить собственные, принятые в его культуре, часто вполне трафаретные, анонимные, почерпнутые из здравого смысла нормы интерпретации. В соответствии с догмой биографического метода, интерпретатор видит в самом жанре биографии гарантию «личностного» подхода к объекту и свою интерпретацию рассматривает как свое «индивидуальное» достижение, а также исходит из веры, что знает о биографируемом больше, чем тот знал о себе сам.

Противоречия биографии являются неизбежными, их трудно преодолеть, поскольку они связаны с самой природой биографического жанра. Это не означает, что этот жанр должен умереть. Напротив, он вполне процветает и множит свои проявления в разных формах, ветвится и завоевывает новые ареалы культуры. Но в научной биографии особенности биографии всё-таки должны коррелировать с научной методологией. Тем более биографии учёных не могут создаваться по подобию «житий святых», покрываться глянцем и смахивать на иконы.

На мой взгляд, биографию учёного следует вписывать в широкий контекст быстро изменяющейся науки. Особенно это касается вклада исследователя, значимость которого меняется со временем. Некоторые достижения блёкнут в перспективе развития науки, поскольку наука постоянно меняет русло. Напротив, есть и такие результаты, которые со временем становятся зародышами новых направлений, и это обязательно надо отмечать в биографии.

Приоритетной задачей при создании биографии ученого остаётся оценка его вклада в развитие науки, определение его места в интеллекту-

---

⁷ Там же. С. 109.

альном контексте эпохи. Очевидно, что задача эта трудоёмкая, многосложная и требующая особых усилий от биографа. При её решении необходимо не только профессионально разбираться в проблемах данной отрасли знания, но и хорошо знать её историю, опираться на знания о логике ее развития, реконструировать путь, который привёл ученого к постановке проблемы, выбору методов её разрешения и получения новых результатов. Это предполагает адекватную характеристику логической ситуации в науке, детерминировавшей открытие и решение задачи. Как правило, этому способствует также реконструкция научной атмосферы, раскрытие механизмов движения науки, обусловивших генезис проблемы⁸.

Для оценки вклада учёного чрезвычайно важно представлять и понимать структуру, нормы и ценности того профессионального сообщества, в котором ему пришлось действовать и утверждаться, учитывать факторы, влиявшие на получение профессионального признания и удостоверения научных результатов, коммуникации, конкуренцию и сотрудничество в исследованиях, стереотипы профессионального поведения, расстановку сил внутри научного сообщества.

В биографиях нередки случаи, когда заслуги многих учёных приписывают одной личности, что ведёт к преувеличению роли одних и замалчиванию достижений других. Представление о научном сообществе утверждает особую роль научных коммуникаций, которые способствуют рождению нового знания через интенсивное общение учёных. Отсюда следует, что совместная работа исследователей, коммуникационные сети, участие всех членов профессионального сообщества в удостоверении новых результатов – важнейший фактор прогресса науки. История науки доказывает, что даже кардинальные открытия, отмечавшие поворотные вехи в развитии науки, как правило, являются результатом коллективных усилий, они подготавливаются многими исследователями, хотя и выражаются в отчётливой форме кем-то одним из них.

При оценке вклада учёного имеет значение также учёт разделения труда в науке, типологии исследователей, специфики различных видов исследовательской деятельности.

Особняком стоит проблема обоснования научных и технических приоритетов, которая представляется особо трудоёмкой. На пути её решения возникает много ловушек, которые чаще всего ведут к преувеличению роли достижений того или иного учёного. Так, в конце 1940-х – начале 1950-х годов в Советском Союзе появилось много работ, в которых утверждался приоритет отечественных учёных, инженеров, изобретателей в разных отраслях науки и техники. Такой «лжепатриотизм» нанёс заметный ущерб объективным фактам истории науки и техники. Многие научные и технические приоритеты доказываются и отстаиваются в тяжёлых дискуссиях, которые продолжаются десятилетиями. Примером такой дискуссии с участием

---

⁸ *Родный Н.И.* Очерки по истории и методологии естествознания. М., 1975. 393 с.

специалистов различных поколений можно назвать отстаивание приоритета в изобретении радио А.С.Поповым и Г.Маркони, которая продолжается и ныне.

Пока речь шла об оценке вклада учёного в контексте той эпохи, в которой ему пришлось жить и работать. Но для истории науки не менее важна и другая сторона этой проблемы – проследить судьбу научного вклада в дальнейшей истории науки, в том числе оценить перспективность идей, разработок, технических решений с позиций современности. Время вносит свои коррективы в оценку научного вклада, что не принижает сделанного учёным, но требует значительных усилий со стороны биографа для выявления его ценностного ядра.

В этом отражается существенная гносеологическая сторона историко-научного исследования, которая отмечалась многими методологами, но особенно ярко В.И.Вернадским: историк науки, как и всякий историк, писал он, всегда познаёт прошлое как бы сквозь призму настоящего – он преломляет прошлую историю человеческой мысли через те достижения, к которым пришла современная ему научная мысль. «Мы прошлое познаём по настоящему»⁹. Именно такое изучение истории науки является, по мнению В.И.Вернадского, важнейшим требованием её научности, так как если историк науки, например, историк физики, химии, биологии и других научных дисциплин при изучении их истории отвлекается от современного уровня их развития, он подвергается неизбежному риску дать во многом архаичную картину их прошлого, в лучшем случае лишь повторить то, что было уже известно и до него.

Историческая картина развития науки зависит как от прошлого, так и от настоящего, причём и в том, и в другом случае эта зависимость ведёт к тому, что картина оказывается не чем-то законченным и неподвижным, а, напротив, представляет собой явление подвижное, изменчивое, находящееся в состоянии постоянного развития. Учёт этих обстоятельств может приобрести для историка науки методологическое значение.

При оценке сделанного учёным такая «трансляция» его вклада во времени имеет непреходящее значение. Значимость прослеживания эволюции достижений учёного во времени выходит далеко за пределы биографического жанра и имеет большое значение для различных задач исторического реконструирования развития науки.

Проблема оценки вклада учёного – принципиально открытая. Установленная Р.Мертонем мотивация учёного к признанию вклада – важный стимул научной деятельности. Эта оценка, удостоверение вклада проходит в исследовательских группах. Существенным было представление Р.Мертоня о том, что, не находя такой оценки в одной профессиональной группе, учёный обращается в другие группы, ищет в них понимания, вплоть до формирования «невидимого колледжа». Эта схема хорошо иллюстрирует, как происходит дифференциация науки, её ветвление на новые отрасли. Тем не менее

---

⁹ Вернадский В.И. Мысли о современном значении истории знаний. Л., 1927. С.2.

проблема оценки вклада отдельного учёного, не нашедшего своего профессионального сообщества, научной парадигмы, отвечающей его новациям, остаётся. Выход за пределы корпорации, работа на «стыках», в междисциплинарном пространстве всегда чревата непониманием и непризнанием.

Сама наука в силу своей высокой динамики вносит существенные коррективы в былые достижения учёных. В каждой биографии учёного я стремлюсь отметить, часто путем скрупулёзного анализа, такие коррективы. Среди них могу назвать обнаруженную наукой спустя полтора десятилетия после смерти Ф.Н.Чернышева ошибку определения им возраста мощных толщ девонского возраста на Урале, опубликованную в капитальных его монографиях, признанных мировым сообществом ученых. Еще при жизни П.А.Тутковского было отвергнута его концепция ископаемых пустынь в северном полушарии Земли, в частности в украинском Полесье. Сделал это соратник В.И.Вернадского Б.Л.Личков, показавший аллювиальную природу отложений этих территорий. Наука сама вносит коррективы в достижения ученых, но их надо находить и тем самым объективизировать материал биографий. Точно также можно через изучение коммуникаций ученых и расстановку сил в профессиональном сообществе внести существенно новые оценки относительно масштабов деятельности и приоритетов исследователей прошлого.

